

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 27 декабря 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 27 de diciembre de 1986 No. 1900

МЫСЛИ ВСЛУХ

Н. ФЕДОРЕНКО

Из огня да в полымя

ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ

Интересно, что в Израиле тоже раздается критика английской парламентской системы, пересаженной — с некоторыми изменениями — в эту страну. Как на пример такой, ясно выраженной критики, можно указать на письмо Н. Гольдберга, опубликованное в отделе "Почта" израильского беспартийного еженедельника на русском языке "Круг", в № 472, от 16 июля с. г.

Сначала автор письма критикует вообще партийные режимы, в их современном виде, а не только парламентскую систему:

"... Все мы озабочены проблемами страны и желаем быстрее оздоровления. Даже самые малограмотные из нас понимают, что всевозможные политические группы, группировки и лобби заняты выколачиванием для своих сторонников экономических льгот и привилегий..."

Но, затем, отвечая на одну статью в газете "Маарив", Н. Гольдберг переходит на конкретную критику парламентской системы:

"Я лишь хочу указать, что автор этой статьи также нечетко представляет себе, где лежат "границы демократии", когда пишет о трех автономных системах власти — законодательной, исполнительной и судебной. В нашем государстве не только нет такого "понятия", но просто сами системы законодательной и исполнительной власти слились воедино, чего нет ни в одной свободной демократической стране. В Кнессете по партийным спискам (такого также нет ни в одной стране свободной демократии) выбирают 120 депутатов, из которых затем отбираются 25 министров и еще сколько-то "замов" и "помов". Такое положение является насмешкой над демократией..."

Конечно, автор письма ошибается, когда утверждает, что "слияния законодательной и исполнительной власти... нет ни в одной свободной демократической стране", и, что выборы в парламент "по партийным спискам также нет ни в одной стране свободной демократии". "Слияние законодательной и исполнительной власти" происходит во всех парламентских демократиях, одной из которых как раз и является Израиль. (В так называемых "президентских" демократиях этого "слияния" нет). Что касается "выборов по спискам", то таковые всеобщепотребительны — с теми или иными изменениями — почти что во всех разновидностях демократии.

Но автор письма прав в своей критике "партийных списков", которые являются как бы воронкой, или прокрустовым ложем для всех кандидатов на государственные должности. Он фактически повторяет критику этого явления содержащуюся в книге "Да, министр", воспроизведенную в "Мыслях вслух" в предыдущем номере.

И. А.

В этом номере "Нашей Страны", в отделе "Что происходит в Кремле?", воспроизводятся заявления недавно высланного из СССР диссидента Юрия Орлова, содержащиеся в его интервью в Нью Йорке, опубликованном в "Русской Мысли" от 31 октября сего года.

Согласно этому тексту, Юрий Орлов, в первую очередь, считает, что "метод воздействия на советских граждан через западные средства массовой информации, я думаю, полностью закрыт для дальнейшего". Он считает, что рядовые советские граждане "совершенно не понимают, не признают и осуждают — опору на западные средства информации". Весьма возможно, что в этом вопросе Юрий Орлов, в основном, прав, хотя он вероятно и преувеличивает, что эту "опору на западные средства информации осуждают все". Между прочим, "Наша Страна" с самого начала своего существования неизменно критиковала эти "западные средства информации" за их, очень часто, неправильные позиции по отношению к нашей стране и к советскому режиму. В частности, в течение многих лет "Наша Страна" критиковала те или иные проявления антирусизма на радиостанции "Свобода" в Мюнхене. Оставляя в стороне в данном случае детали возможного критического отношения к этим "западным средствам информации", все же не будет лишним, в связи с вышеуказанным мнением Юрия Орлова, сделать некоторые основные и принципиальные уточнения по этому вопросу:

1. Всякий антирусизм или русофобия является опасной провокацией, не только сводящей на нет любые "информационные усилия", но и ведущей к прямо противоположным результатам.

2. Средства информации должны не только объективно информировать, но и публично указывать откуда берется информация, кем она обрабатывается и распространяется, и от чего имени, и на чьи средства все это делается. В противном случае, доверия не будет, так как автоматически возникает недоверие и подозрение в участии разных "органов", манипулирующих за кулисами всю эту информацию, с не всегда ясными целями.

К сожалению, в среде самой эмиграции (именно политической эмиграции, а не просто "зарубежья") не всегда сохраняется необходимая независимость в этих вопросах. Очень часто, к сожалению, отдается предпочтение материальным средствам и возможностям, перед политической независимостью (реальной, а не только декларируемой). Возможно, что материальная бедность в случаях реальной независимости является в этом отношении отталкивающим примером для многих.

Но сразу после такой весьма отрицательной позиции по отноше-

нию к западным средствам информации, Юрий Орлов ставит прямо и открыто всю ставку на... западные социалистические партии. Конкретно, на "Социалистический интернационал". Он добавляет, что для нашей страны "больше всего подходит социализм демократический". Хотя он хочет (для начала?) всего лишь "легальную оппозицию", поясняя, что он "говорит об оппозиции социал-демократического типа". Впрочем, он согласен даже и на оппозицию "коммунистическую, типа, скажем, итальянской компартии".

Одновременно Юрий Орлов считает, что "в России капитализм сейчас невозможен, в частности, потому, что возврат к капитализму у этого народа был бы национальным унижением".

Таким образом получается, что для России сегодня неприемлемы ни западные средства информации, ни западный капитализм, но зато вполне приемлемы западные социалистические партии и даже западный партийный строй. Правда, "на первом этапе для России, наверно, не нужно много партий", так как "наш народ находится на таком уровне развития, что не любит слишком большого разнообразия". И вообще, "никакая партия буржуазного типа не будет сейчас популярна". Значит, только партии социалистического — или коммунистического "итальянского" — типа имеют шансы на будущее в России.

Но ведь это реставрация и притом реставрация как февализма, бывшего преддверием к октябризму, так и самого октябризма! Ведь социал-демократия участвовала во власти после февральского переворота, причем наряду и совместно как раз с так называемыми "партиями буржуазного типа", в лице своей меньшевицкой фракции.

А, в результате октябрьского "переворота в перевороте", к власти как раз пришла социал-демократическая партия, официально называемая "Российская социал-демократическая рабочая партия" (РСДРП), в лице своей второй, большевицкой фракции. Лишь затем она была переименована на 7-ом съезде в 1918 году в "Российскую коммунистическую партию (большевиков)", а после официальной ликвидации исторического имени нашей страны, на 14-ом съезде в 1925 году в "Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков)". Но это переименование не было отходом, а возвратом к истокам: предтечей первого интернационала социал-демократических партий был "Союз коммунистов", созданный Марксом и Энгельсом в 1847 году в Лондоне, по "поручению" которого и был написан "Манифест коммунистической партии".

В данном случае, никакие указания, на имеющиеся якобы различия между разными фракциями социалистических партий не уместны: все эти

фракции являются лишь ответвлениями от одного и того же ядовитого корня, а именно поистине сатанинской идеи, что с помощью всемогущего человеческого разума можно создать совершенную организацию человеческого общества, в котором будет насильно достигнута полная справедливость, за счет индивидуальной свободы человека. Больше того, на деле эти фракции, несмотря на их смертельную иногда ненависть между собой, в любой момент готовы снова объединиться, и не только в странах где у власти находится самая тоталитарная из них, как это имеет место в Восточной Германии, с ее объединенной социалистической партией, но и в многих других, еще свободных странах, как например в некоторых южно-американских странах, и, даже, частично, в той же Англии.

Там же где этого воссоединения до сих пор не происходит, можно всюду без исключения наблюдать включение социал-демократии в общую интегральную западную систему, в которой наряду с этой самой социал-демократией ведущее место занимают как раз отрицаемые Юрием Орловым капитализм, буржуазные партии и, не в последнюю очередь, средства массовой информации. Больше того, социалистические партии на Западе в действительности являются паразитарным присоском к капитализму: пытаются искусственно распределять блага, нажитые тем же капитализмом, с которым официально ведут борьбу, но, зачастую, когда от такого распределения начинает страдать этот капитализм, спешно идут на попятную, как, например, недавно произошло в Испании и Франции, не отказываясь, однако, при этом от своих основных фикс-идей, а лишь откладывая их на будущее.

В чем несомненно прав Юрий Орлов, это в невозможности установления в России капитализма. Также он прав, что такое установление было бы национальным унижением для России. Но, при этом необходимо хорошо уточнить, что социализм, как и буржуазные партии и средства массовой информации, являются органической частью западной капиталистической системы. Свободное хозяйство, личная свобода, и, самое главное, духовная свобода, могут быть гораздо лучше осуществлены и без этой капиталистической системы, предлагающей монополию капитала, монополию партий и монополию средств массовой информации. В будущей России нет места для этих трех монополий. Хотя, может быть место и для капитала, и для партий и для средств информации, но без права на узурпацию и монополию власти. В противном случае, наша страна попадет из огня да в полымя.

Н. ФЕДОРЕНКО

Что происходит в Кремле?

22 октября Горбачев выступил по телевидению об итогах встречи с Рейганом в Рейкьявике и, в частности, сказал: "Я ему продохнул: давайте так поступим — мы прекращаем глушение "Голоса Америки", а вы предоставляете нам возможность на своей территории или где-то рядом наладить радиопередачи на Соединенные Штаты, на средних волнах (у них приемники там только такие)... Мне рассказывали, что наша общественная организация АПН издала на английском языке тексты моей прессконференции в Рейкьявике и выступления по советскому телевидению. Так вот: брошюра с этими текстами уже несколько дней задерживается на американской таможне, ее не пускают к американскому читателю".

Конечно, такую брошюру может легко издать американская компартия. Но если требовать допуска именно советского издания, то Рейган может потребовать допуска в СССР аналогичной американской брошюры на русском языке (которая в СССР, конечно, издана быть не может). С радиопередачами — американцы тоже могут в обмен потребовать разрешения построить свою радиостанцию в СССР и передавать на средних волнах. Но как бы это отразилось на диктатуре пролетариата?

Недавно из СССР выслан ведущий диссидент Юрий Орлов — руководитель Московской Хельсингской группы, отсидевший 7 лет в лагере и 2 года в ссылке. 31-10-86 года "Русская Мысль" напечатала его интервью в Нью Йорке. Вот что сказал Орлов: "Воздействие на советских граждан через западные средства массовой информации — этот метод, я думаю, полностью закрыт для дальнейшего. Я хорошо знаю отношение рядовых советских людей. Чего они совершенно не понимают, не признают и осуждают — это опору на западные средства информации. Осуждают все. Мы могли бы опираться, допустим, на Социалистический Интернационал, если бы его волновала ситуация в России или на профсоюзы — это тоже легко понять".

Я считаю, что в России капитализм сейчас невозможен, в частности, потому, что возврат к капитализму у этого народа был бы национальным унижением. Если бы вдруг Господь Бог "спустил" нам капитализм, это было бы национальным унижением. Я считаю, что больше всего подходит для этой страны социализм демократический. Я хотел бы, чтобы была легальная оппозиция. Я говорю об оппозиции социал-демократического типа, которую поддерживали бы массы, я думаю, что для рабочих это была бы наиболее понятная оппозиция. Или даже коммунистическая, типа, скажем, итальянской компартии. Я уверен — никакая партия буржуазного типа не будет сейчас популярна среди советских рабочих. На первом этапе для России, наверно, не нужно много партий. Наш народ находится на таком уровне развития, что не любит слишком большого разнообразия. Что касается частного сектора, то я считаю, что он должен быть введен только в сельском хозяйстве. В России не нужно напирать на возврат к частной собственности, разве что на мелком уровне.

Я считаю, что сейчас Горбачев движется в нужном направлении. Вот сейчас, в последние год-два некоторая свобода печати стала появляться. Идет также некоторая либерализация в области администрирования промышленности. Это я тоже одобряю. Такие вот шаги, как борьба с коррупцией, борьба с пьянством. Я считаю, что это хорошо".

Напомним в связи с этим то, что мы писали в нашей хронике в "Нашей Стране" № 1878: "Похоже, что Горбачев дает поблажки верхушке писателей и ученых, все более закручивая гайки по отношению к народу — штрафы, аресты, принудработы, лагеря". (Смотрите также наши хроники в "Нашей Стране" №№ 1868 и 1885). По сообщению "Посева" № 1 за 1986 год, "В СССР началась очередная кампания репрессий в отношении среднего звена управления народным хозяйством".

В "Нашей Стране" № 1803 мы сообщали, что в СССР вернулся из США бывший афганский пленный Николай Рыжков. Как сообщает "Русская Мысль" от 12-9-86 года, "Рыжков приговорен к 12 годам лагерей строгого режима и отбывает срок в Мордовии, в лагере для политзаключенных в поселке Барашево. В декабре 1984 года Рыжков заявил, что решил вернуться в СССР, так как "сам" посол СССР в США Анатолий Добрынин (ныне секретарь ЦК по вопросам внешней политики) пообещал ему, что он не подвергнется никаким репрессиям, если вернется на родину".

Д. Р.

В Аргентине

КРИЗИСНАЯ СИСТЕМА

Конец 1986 года в Аргентине неожиданным образом проходит под знаком политической агитации: вместо уже набивших оскомину экономических тем, на поверхность вдруг выплыли две критические политические темы. Первая из них — это результаты выборов в некоторых провинциях, а другая — это правительственный законопроект об ограничении во времени открытия судебных дел против лиц, подозреваемых в нарушении "человеческих прав".

Как мы уже писали в предыдущей заметке "В Аргентине", (№ 1898), находящаяся у власти радикальная партия может считать около 30 % всех избирателей страны своими собственными, которые будут всегда голосовать за нее, будь то по убеждениям, будь то по привычке и традиции (иногда семейной), будь то по каким-то расчетам на какие-то выгоды. Для того, чтобы добиться большинства голосов (как выражаются в Аргентине: половины голосов, плюс один голос), необходимо как-то добиться недостающих 20 % голосов. Выборы в Учредительное собрание для изменения провинциальной конституции в провинции Кордова, состоявшиеся в воскресенье 14 декабря, показали, что радикальная партия растеряла значительную часть этих "добавочных" голосов: она получила 613.934 голоса, то есть 43,14 % голосов, на 10 % меньше, чем на выборах в ноябре 1985 года, и всего лишь на 1.083 голоса больше, чем обе перонистические фракции взятые вместе, которые получили 43,06 % голосов.

Оказались выбранными 37 представителей от радикальной партии, 36 представителей от двух фракций перонистической партии, и 3 представителя от либеральной (в европейском смысле слова) партии "Союза демократического центра". Таким образом, никто не добился большинства, а сами радикалы оказались всего лишь "первым из трех меньшинств", как выразился один комментатор.

Несомненно, неясное экономическое положение в стране было главной причиной этих результатов (которые, между прочим, подтвердились и в других провинциях). По этому поводу, лидер "Союза демократического центра", национальный депутат инженер А. Альсогарай сказал недавно в парламенте, что нельзя валить всю вину за экономическое положение на это правительство, так как виновата экономическая система, действующая в Аргентине около 40-а лет, и являющаяся на деле полусоциалистической, так как около половины всего национального дохода гратит государство, и, кроме того, это же государство пытается строго регулировать и направлять вторую половину этого национального дохода, еще оставшуюся в частных руках. К этому необходимо добавить, что государственные расходы непродуктивны, так как государство не в состоянии предоставлять населению качественные услуги и обслуживания (газ, электричество, телефоны, железные дороги в Аргентине находятся полностью в руках федерального правительства). Если телефоны работают плохо, почта доставляет письма (которые не пропадают) с опозданиями, железные дороги работают хуже, чем в прошлом веке, и, к тому же, всюду

в государственном секторе происходят забастовки, так что даже пенсионеры не получают вовремя своих государственных пенсий, то все это раздражает население, то есть избирателей.

Однако, инженер А. Альсогарай не довел до необходимого логического конца своей мысли, и не указал, что эта "экономическая система" зависит не только от идеологических настроений класса политиков, но и от самой партийной системы, так как она практикуется в стране. В этом отношении, будет не безынтересно привести выдержки из передовицы, от 17 декабря с. г., буэносайресской экономической газеты "Амбито финансиеро", независимого, но не антиправительственного толка:

"Снова и снова повторяется все тот же цикл в Аргентине. Правительство достигается с помощью популистических предложений распределения того, чего нет. После этого необходимо управлять сурово, плохо употребляя и смешивая некоторые принципы свободного хозяйства. Оппозиция, тоже популистическая, подчеркивает свою оппозицию, и хотя все знают, что делала бы тоже самое, она усиливается, ослабляя тех кто у власти, вплоть до подведения их под угрозу переворота. Так было во времена президента Фрондиси (1958-1962), Или (1963-1966) и Марии Э. Перон (1973-1976)... Это верно, что трагический цикл правительства — оппозиции сегодня сваливается на радикалов. Но, также верно, что к исполнению правительства приступили люди, которые лишь через три года начинают учиться, в чем заключаются реальные проблемы страны, потому что они раньше только умели подготавливаться и действовать в комитетах, для того чтобы "выиграть выборы"... В стране, в которой значительное большинство граждан ожидают осуществить свои частные желания присасываясь к государству — служба, должности или привилегии — апофеоз использования скоропреходящего выборного триумфа в 1983 году привел к противоположному..."

П. Н.

НА РОДИНЕ

БЕСПОРЯДКИ В АЛМА-АТЕ

В среду и четверг 17 и 18 декабря с. г. в Алма-Ате, столице Казахской ССР, произошли крупные беспорядки, вызванные, повидимому, учениками и студентами, как сообщают корреспонденты западных газет в Москве.

Поводом для этих волнений было, повидимому, смещение генсека КП Казахстана Н. Кунаева, которого Горбачев обвинил в коррупции и в некомпетентности. Кунаев был назначен в свое время Брежневым.

Одновременно, в "Правде" появилась статья по случаю 80-летия Л. Брежнева, в которой утверждается, что Брежнев виноват "в росте отрицательных явлений в советском обществе".

Кроме того, в этой статье указывается, что пережитки брежневской эры отдалены от политической действительности.

А. Р.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ВОКРУГ ЧЕГО ОБЪЕДИНЯТЬСЯ

В интересной статье В. Колосова "Груши на вербе", в "Нашей Стране" № 1893, есть несомненно верные мысли. В частности, что объединяться нужно вокруг правильной идеи; объединяться вокруг ложной идеи или вокруг пустого места ни к чему доброму не поведет.

Но есть в ней и более сомнительные пункты. Мне лично лозунги свободной рыночной конкуренции мало что говорят; но что иное можно предложить взамен? Надо бы это объяснить. Замечу мимоходом, что вот И. Л. Солоневич стоял, помнится, за свободу торговли и частной инициативы. Но это, само по себе не аргумент; допустим, можно найти лучшее решение.

С другой стороны, Колосов говорит об антикоммунизме западного образца, как о чем-то определенном и единообразном. А на деле есть ведь множество разных западных антикоммунизмов; начиная от вовсе

неприемлемых, и вплоть до более или менее нам подходящих.

Даже у немцев, во время последней войны, при всей их связанности национал-социалистической доктриной, намечались, при ближайшем рассмотрении, различные тенденции в отношении русского вопроса; одним было хоть кол на голове теши, а другие почти все, если не совершенно все, понимали как надо. Кольми паче разные взгляды обнаруживаются сейчас в разных странах Запада, в разных кругах, в разных слоях общества, у разных партий... А если, кроме Запада, прикинуть еще и Восток, с коим нам тоже следует считаться, то картина окажется еще пестрее. Так что тут, я полагаю, надо бы отделять пшеницу от плевел, а не рубить сплеча.

Можно бы также заметить, что и русский или даже российский национализм не у всех на одно лицо; в нем есть течения здоровые и нездоровые, близкие нам и от нас далекие. Конечно, все это в одной короткой статье и немислимо было уточнить. Будем надеяться, что сам же В. Колосов или другие, в дальнейшем, разберут поставленные вопросы точнее.

Владимир Рудинский

Вел. кн. Николай Николаевич отклоняет это предложение под предлогом "монархических чувств армии", но оставляет этот преступный разговор без всяких последствий и даже не докладывает о нем Государю Императору. Председатель Центрального Комитета Кадетской (милюковской) партии, кн. П. Д. Долгоруков, возражая к о м у т о , пишет в январе 1917 года:

"Дворцовый переворот не только нежелателен, но скорее губителен для России. Дворцовый переворот не может дать никого, кто явился бы общепризнанным преемником монархической власти на Русском Престоле".

Значит, даже кадетская партия возражает против переворота. Кому она возражала? Сам С. Ольденбург констатирует:

"Настроение общества, не говоря уже о широких массах, не благоприятствовало перевороту".

Под "обществом" ген. А. Мосолов понимал его привилегированные верхи. С. Ольденбург понимал его массу. Но это мало меняет дело. Дальше С. Ольденбург говорит:

"В конце концов та группа, которая за ранее поставила себе целью свержение Императора Николая Второго, продолжала разрабатывать планы дворцового переворота или военного переворота".

Из кого состояла эта группа? С. Ольденбург называет только одно имя — А. Гучкова, который, действительно был главным стратегом "февраля". Но кто были остальные? На этот вопрос дает ответ французский посол в Петрограде М. Палеолог. Нужно иметь в виду, что М. Палеолог стоял ЗА русскую монархию. М. Палеолог любил слегка пофилософствовать. Так на стр. 282 он утверждает, что:

— 46 —

Кн. С. Волконский — бывший директор Императорских Театров, — пишет решительно то же самое:

"Россию губили с двух сторон. Сейчас мы склонны делать ответственными только людей революции. Да, они ответственны за свои дела. Но за свой приход? Разве они не нашли себе подходящей почвы? А где длинный путь, по которому мы шли к тому, к чему пришли? Вот это не все понимают из числа наших соотечественников, которых я встречал после моего бегства из советского ада. Все скошено — понимаете ли вы? Все. Нужна новая стройка, новое здание из нового материала и с новыми работниками" (Везде курсив кн. С. В.).

Это все отзывы п р а в ы х людей, людей привилегированного слоя. Не Керенских и не Лениных. Самый правый из русских историков — И. Якобий дает еще более ж у т к у ю картину:

Помойными ямами были столичные салоны, от которых, по словам Государыни, неслись такие отвратительные миазмы... Русский правящий класс и здесь оплевывал самого себя, как слабоумный больной, умирающий на собственном гнище" (стр. 77).

Государыня Императрица пишет Своему Супругу о "ненависти со стороны прогнившего высшего общества" (Якобий, стр. 7).

Тот же И. Якобий (стр. 26) пишет:

"Любопытно и поучительно сравнить рассказы дипломатов о настроениях столичного общества (в начале XIX-го века. И. С.) с тем, что другие дипломаты, как М. Палеолог, например, писал о том же и во время Великой Войны. Те же перемены, та же эгоистическая близорукость, та же злоба к Монарху, то же предательство. За сто лет высшее русское общество не изменилось".

— 44 —

зависимой страной, и в том же 1916 году в Государственной Думе еще рассматривался закон о п р а в и русских в Финляндии — хороши "завоеватели". Хива и Бухара управлялись своими ханами и эмирами по своему адату и шариату. Но Грузия не имела никакого национального управления. И было совершенно неизвестно, как его организовать в кавказских условиях. В Прибалтике шел процесс дегерманизации Эстонии и Латвии, но шел и процесс руссификации — не очень уж насильственной, но ненужной и раздражающей. От западно-русских губерний России в Государственный Совет попадали исключительно польские магнаты (см. ниже), — но преподавание польского языка и литературы было запрещено. Перед самой революцией Государственный Совет зарезал законопроект, предусматривавший польский язык в суде и администрации Царства Польского. Еврейская беднота, — а еврейская беднота в черте оседлости была ужасающей, — была сжата всякими ограничениями, а еврей-банкир Манус, — личность в лучшем случае весьма подозрительная, — имел свободный доступ в великокняжеские салоны. Русское крестьянство рассматривало Распутина как евой *porte-parole* (на русском языке н е т нужного термина), а те же великокняжеские салоны пустили по всему миру распутинскую к л е в е т у . Династия стояла в оппозицию Монарху, служба информации русской монархии была поставлена из рук вон плохо, монархия начисто изолирована от массы и ген. А. Мосолов констатирует (стр. 99):

"Бюрократия, включая министров, составляет одну из преград, отделяющих Государя от народа. Бюрократическая к а с т а , имела собственные интересы, далеко не всегда совпадавшие с интересами страны и Государя. Другая преграда — это интеллигенция. Эти две силы построили вокруг Государя истинную стену — настоящую т ю р ь м у . . . " А "ближайшая свита не могла быть полезной Императору ни мыслями, ни сведениями относительно внутренней жизни страны".

— 39 —

дальное впечатление. Государственный Совет, из чистого желания насолить П. А. Столыпину, проваливает его проект модернизации петербургской полиции и вооружения ее броневиками. И в феврале 1917 года петроградская полиция имеет на вооружении револьверы и "сеledки", так в свое время назывались те сабли, которыми были вооружены наши многострадальные городовые. Единственная "реформа", которая удается П. Столыпину — это реформа Государственной Думы — закон 3 июня. Путем всяческого законодательного и административного нажима создается народное представительство, которое хоть как то может работать. Организовано оно отвратительно — и технически и политически. Саша Черный писал:

Середина мая — и деревья голы,
Точно Третья Дума делала весну...

Никакой весны не сделали ни Первая, ни Вторая, ни Третья. Весну сделала Четвертая — под "мудрым" водительством Пуришкевича, Шульгина, Милюкова и Керенского. Все четверо делали одно и то же дело. "Бороться надо, правительство — дрянь" — говорил В. Шульгин (Ольденбург, стр. 211). Во время войны его речи почти ничем не отличались от речей П. Милюкова и в печати они были запрещены военной цензурой. В. Пуришкевич говорит с трибуны Думы истерический вздор, и ему принадлежит "первый выстрел русской революции" — убийство Распутина. Но это было уже во время войны.

До войны почти единственным светлым пятном была недолгая деятельность П. Столыпина. В эмиграции очень склонны преувеличивать значение его реформ. По существу, кроме "третьеиюньской" Думы, почти никаких реформ не было: основная реформа — закон о "столыпинском мужике" — была только началом: до войны на отруб и прочее перешло только в о с е м ь процентов крестьянского землевладения. Все остальные попытки П. А. Столыпина были похоронены Государственным Советом. Особенный п р и н ц и п и а л ь н ы й интерес представляет проект о выборах в

— 41 —

Ген. А. Мосолов, в качестве начальника канцелярии Министерства Двора, был, конечно, вполне в курсе дела: "истинная стена" и "настоящая тюрьма". Государю приходилось действовать болсе или менее вслепую. Это нужно учесть для будущего. Должна быть создана, по крайней мере, такая служба информации, какую имеют большевики. Там, в секретных сводках, предназначенных для членов ЦК партии, есть в с е , — без пессимизма и без оптимизма, — совершенно объективное изложение данного положения вещей. У русской Монархии этого не было. Это одна из основных технических ошибок ее организационной стороны. Очень серьезная ошибка, — ибо нет в природе людей, которые были бы совершенно свободны от "влияния". А "влияние" достигается вовсе не путем внушения, а путем информации. Информация хромала. И если ген. Мосолов выражается очень корректно: "ближайшая свита не могла быть полезной Императору ни мыслями, ни сведениями" и что "честные люди уходили", то А. Суворин, издатель крупнейшей в России монархической газеты, формулирует это положение вещей несколько менее корректно: "Государь окружен или глупцами или прохвостами". Эта запись сделана в 1904 году ("Дневник" стр. 175). Тринадцать лет спустя Государь Император повторяют формулировку А. Суворина: "кругом измена, трусость и обман" (И. Якобий стр. 27, запись в Дневнике Государя Императора от 2 марта 1917 года). Само собою разумеется, что эта формулировка не могла относиться ни к Керенскому, ни к Ленину.

♦♦

"Трагические противоречия русской жизни" иногда принимали характер форменной нелепости. Польша, наконец, разгромлена и побеждена. В Государственной Думе польское "коло" держится спаянно и обаянно. При почти равенстве сил между правым и левым блоком, польское "кукло" получает решающее значение и может решать судьбу Империи. Затеваеся нелепый процесс Бейлиса, который кончается его оправданием, но который производит во всем мире совершенно скан-

— 40 —

Государственный Совет от западных губерний. Право на участие в выборах имели только крупнейшие помещики. В западных девяти губерниях крупнейшими помещиками были поляки. От девяти западных губерний с их 2-3 % польского населения, в Государственный Совет попал исклнчительно поляки. П. А. Столыпин предложил снизить ценз. Правые протестовали с классовой точки зрения, — это, де, "создает нежелательный прецедент для остальных губерний", то есть, поставили классовую точку зрения выше национальной. Левые были против из соображений интернационализма, то есть, поставили национальный принцип выше классового, но н е р у с с к и й национальный принцип. Этот законопроект чуть не привел к отставке П. Столыпина, — отставке, которая, все равно, уже была предпринята — П. А. Столыпин выступал и против правых и против левых, и Государю Императору оставалось: или распустить о б е законодательные Палаты, или отказаться от П. А. Столыпина. Пуля Е. Богрова внесла автоматическое решение в этот вопрос. Но оставила корабль русской государственности в том трагическом положении, о котором так красочно и так безнадежно писал Л. Тихомиров. И, вот, в этом трагическом положении, в переплете "трагических противоречий", невооруженная Россия вступила в войну с до зубов вооруженной Германией.

В О И Н А

Культурно и экономически предвоенная Россия росла невероятными темпами. Но "трагические противоречия" — оставались. В Первую Мировую войну Россия вступила в обстановке этих противоречий, при разрыве правящего слоя, при крайней неудовлетворительности командования вооруженными силами, при недостатке вооружения, при незаконном раскрепощении крестьянства, при разладе между Монархией и верхами, при разладе в среде Династии, при наличии парламента, который только и ждал подходящего момента для захвата власти — при Пуришкевичах, Шуль-

— 42 —

Ген А. Мосолов сообщает:

"Думали, что переворот приведет к диктатуре вел. кн. Николая Николаевича, а при успешном перевороте в военных действиях, и к его восшествию на Престол. Перенорот считался возможным ввиду распрей в Императорской Фамилии" ... (стр. 23). " ... Легкомысленные представители общества думали исключительно о своем собственном благополучии ... Ища виновников неудач России, они обрушились на Государя и, в особенности, на Государыню. Видя невозможность отделить Императрицу от Царя, они начали мечтать о дворцовом перевороте" (стр. 60).

И на стр. 49 свои впечатления суммирует так:

"Мне казалось, что столица объята повальным сумасшествием".

Как видите, все это выражено очень туманно. Никаких имен не названо и никаких фактов не приведено. С. Ольденбург пишет еще осторожнее:

"Измена бродила вокруг Престола ..."

И потом, не без некоторой наивности добавляет: "Но, к чести высшего общества, можно сказать, что эта измена так и не воплотилась в жизнь" (стр. 232). Вся эмиграция, в том числе и С. Ольденбург, является именно следствием "воплощения измены", но всю эту тему автор пытается обойти как то стороной, как, впрочем, пытаются и И. Якобий и А. Мосолов. Впрочем, на этой же странице С. Ольденбург приводит чрезвычайно симпатичный факт:

"Дошло до того, что представитель Союза Городов, городской голова Хатисов, ездил на Кавказ, предлагать вел. кн. Николаю Николаевичу произвести переворот и провозгласить себя царем".

— 45 —

гных, Милюковых и Керенских, которые делали о д н о и т о ж е д е л о , и при совершенно а р х а и ч е с к о м административном аппарате.

Статс секретарь С. Крыжановский — ближайший помощник П. А. Столыпина, пишет:

"Основная язва нашего старого бюрократического строя — засилие на верхах власти старцев ... Расслабленный старец гр. Сольский ... печальной памяти бессильные старцы Горемыкин, Штюмер, кн. Голицын. Усталые и телесно и духовно, люди эти жили далеким прошлым, неспособные ни к какому творчеству и порыву, и едва ли не ко всему были равнодушны, кроме забот о сохранении своего положения и покоя" (стр. 46).

И дальше (стр. 205):

"Министры подкапывали друг друга у Престола, поносили в обществе ... Административный и полицейский фундамент Империи остался в архаическом состоянии, совершенно непригодным к новым требованиям жизни, и государству пришлось поплатиться за это, когда настали трудные времена".

Бар. Н. Врангель, — отец Главнокомандующего, — пишет, собственно, то же самое:

"Между высшим обществом и народом образовалась пропасть, утерялась всякая связь. "Мы" — правительство, немногие его честные слуги и бесчисленные холопы. "Они" — вся остальная Россия ... Мы все могли быть непогрешимы ... Результатом этого ослепления было то, что часть "их" действительно стала подкапываться под правительство, оставшая часть, — прибавлю, — самая лучшая, отошла в сторону от общественных дел и была заменена людьми, желающими не блага страны, а преследующими лишь свои собственные интересы" (стр. 63 и 77).

— 43 —

А. ФЕДОСЕЕВ

О будущей России

6. СОЦИАЛЬНОЕ РАВНОВЕСИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА

СССР

Государство СССР больше всех других является "идеальной" государственной машиной, подчиняющей себе людей. Нетрудно заметить, что *Даже верховные правители СССР вынуждены служить маховиками и поршнями этой машины и не могут отказаться от этого.* Они тоже не в состоянии проявить свою человеческую творческую природу и вынуждены следовать законам этой машины. Для существования этой машины нужно, чтобы вся страна была под ее управлением, то есть чтобы вся страна была бы собственностью государственной машины. Всякая частная собственность, то есть частная воля, отнимает что-то от способностей и возможностей машины. Частная воля непредсказуема. Она нарушает механизированное единство. *Именно поэтому и Запад, двигаясь к своему машинному идеалу государства, тоже должен постепенно превращать частную собственность в государственную и общественную собственность корпораций (акционерных компаний), так как государственная собственность есть основа "идеальной" государственной машины.*

"Идеальная" государственная машина СССР, естественно, следует своим непреложным законам, то есть *единому государственному плану, который является единственно возможным технологическим процессом действия этой машины.* Как только, так называемый, советский "диктатор" и его коллеги хотят реализовать свою творческую инициативу в виде, скажем, введения децентрализации, введения рыночных отношений, то есть хотят нарушить закон машины, она этому железно сопротивляется. Ее сопротивление выражается в том, что нарушение технологического процесса машины ухудшает ее управление. "Диктатор" и его коллеги немедленно чувствуют ту или иную потерю способности управления. Машина, действовавшая и раньше не слишком идеально, начинает теперь давать серьезнейшие сбои: руль управления начинает вырываться из рук "диктатора" и его коллег. *Не удивительно, что реформистские желания "диктатора" и его коллег быстро охлаждаются, а реформы вырождаются и умирают, так ничего и не изменив.*

В машиноподобном государстве социализма нет существенной частной собственности, нет собственников "эксплуаторов". Все являются наемными или назначенными трудящимися снизу до самого верха. *Все они, без исключения, имеют один главный и универсальный экономический личный интерес: побольше зарплаты и всяких привилегий и поменьше работы.* Таким образом все они, в принципе, являются такими деталями машины, которые хотят работать только на себя, а не на машину. Машина от этого страдает и непрерывно ненамеренно портится эгоистическими трудящимися. Эта порча ухудшает управление, что "диктатор" и его коллеги чувствуют и стараются изо всех сил отремонтировать машину. *У них нет выбора: либо машина действует, либо она гибнет, а вместе с ней гибнут и они.* Поэтому очередной "диктатор" и его коллеги все 70 лет строительства и совершенствования машины непрерывно вопят о трудовой дисциплине во имя социалистической государственной машины.

Однако источник трудовой дисциплины есть личный, индивидуальный договор о работе, включающий в себя соответствие индивидуальных количества и качества труда зарплате, товарам и ценам на них. Машина же относится ко всем одинаково, в соответствии с ее технологическим процессом, то есть с ее единым государственным планом. В этом плане и зарплаты и продукция и цены определены на годы вперед. Это вызывает принципиальное несоответствие количества и качества индивидуального труда заранее устанавливаемым зарплатам и ценам. *Это полностью исключает возможность здоровой трудовой дисциплины.* Это приводит к недостатку товаров, к их низкому качеству и к бесчисленным авариям и даже к катастрофам типа, скажем, чернобыльской. Это, в свою очередь, понижает и еще больше портит государственную машину, вынуждая "диктатора" и его коллег лихорадочно ее ремонтировать.

Вся эта история венчается тем, что машина не позволяет трудящимся, если бы они захотели, отремонтировать машину и самим. *Венчается невозможностью реализовать колоссальный созидательный творческий потенциал миллионов трудящихся индивидуумов, превращенных в детали огромной и бездушной машины.* Население при этом не только страдает материально и духовно, но и теряет всякую перспективу лучшего будущего. Эта бесперспективность существования будет несомненно главным фактором в будущей и близкой гибели машины социалистического государства. *Выявляется страшная истина: "идеальная" машина социализма совершенно не соответствует человеческой природе и потому обречена на гибель.*

"Диктатору" и его коллегам, я думаю, это известно, но у них нет выхода. Они связаны с машиной мертвым узлом. Вопрос заключается в том, когда население, попавшее в эту машину, разрушит ее настолько, чтобы и "диктатор" и его коллеги потеряли бы всякую надежду на возможность ее восстановить и были бы вынуждены или возглавить ее полное разрушение и преобразование в нечто лучшее или быть устраненными из игры.

Таким образом, главные характеристики нынешнего СССР:

1. Государственная машина пока еще управляет всей страной, как государственной собственностью, но уже явно обречена на гибель.

2. Социальное равновесие утрачено полностью. Отсутствуют миллионы частных собственников "эксплуаторов", способных восстановить трудовую дисциплину и выжать из миллионов трудящихся лучше и больше труда за умеренную зарплату. Тем самым восстановить материальное и духовное процветание. Без этих "эксплуаторов" все трудящиеся СССР снизу доверху разграбляют сообща собственную страну.

3. Принципиальная невозмож-

ность при социализме реализовать колоссальный творческий созидательный потенциал населения приводит к принципиальной невозможности материального и духовного процветания.

4. Имеет место тупиковая ситуация: для освобождения творческих сил населения машина должна быть разрушена и заменена. Разрушение машины лишит "диктатора" и его коллег возможности управления и, вообще, воздействия на ход событий. Тем не менее, именно разрушение машины есть единственный выход из тупика. В этом радикальная разница между социализмом и обычной диктатурой. Ликвидация обычной диктатуры и введение "демократии" не меняет в корне системы управления страной, не требует предварительного разрушения прежней системы собственности и системы управления. *В случае социализма это разрушение системы государственной собственности и системы управления абсолютно необходимо полностью.* Рыночные, например, отношения при полной государственной собственности являются экономическим абсурдом. Они невозможны.

Прошу читателя обратить внимание на следующую цепочку событий. Ликвидация частной собственности → потеря экономической и, следовательно, политической независимости населением: и работа и средства существования попадают целиком в руки государства, а с ними и вся жизнь людей. → Полная потеря социального равновесия: исчезли миллионы "эксплуаторов". → Введение единственно возможного при государственной собственности способа управления: централизованного единого и полного государственного планирования. → Полное подавление всех творческих сил населения. → Страшное ухудшение трудовой дисциплины и падение общественной производительности труда. → Все население дружно, вместе с вождями, разграбляет страну. → Материальное и духовное обнищание страны. → Ненамеренное, неорганизованное разрушение системы управления. → Полный экономический и политический тупик. → Гибель социализма. → Восстановление социального равновесия введением частной собственности и рыночных отношений. → Возрождение страны.

АНГЛИЯ

Англия впервые в мире осуществила промышленную революцию, превратилась в богатейшую промышленную державу мира. Однако, в конце прошлого века она же встала на рискованный путь создания мощнейших профсоюзов и усиленного развития социалистических идей и движений. После Второй Мировой войны начался процесс национализации и роста государственной власти. *Были национализированы, практически, все основные отрасли экономики: добыча угля, добыча нефти, газовое*

хозяйство, сталь, электроэнергия, судостроение, связь (телефон, телеграф), воздушный транспорт, железные дороги, городской транспорт, включая метро, водоснабжение, канализация, целый ряд машиностроительных предприятий и предприятий производства автомобилей и многое другое. Государство стало владельцем огромного числа жилищ, сдаваемых в наем. Одновременно была проведена огромная программа социального обеспечения. здравоохранение было сделано государственным и бесплатным. Параллельно появилось то, что называется вторым правительством Англии, всемогущее объединение английских профсоюзов (Конгресс Тредьюнионов) мощностью в 11 миллионов членов.

Одновременно продолжался рост гигантских монопольных корпораций, являющихся тоже общественной, не частной, собственностью миллионов граждан страны. *Собственник-эксплуатор был задавлен налогами и враждебными ему законами. Социальное равновесие было почти разрушено.*

Англия оказалась ближе всех стран к социализму, стала страной так называемой смешанной экономики, почти аналогичной Венгрии.

Результаты оказались потрясающими. Англия съехала с первого места по промышленному производству в прошлом столетии на третье в 1951 году и сейчас на девяностоцатое. Безработица достигла 13 %, инфляция достигла почти 30 %. Чрезвычайно выросла нищета, в особенности, на севере. Разразился страшнейший жилищный кризис. Сейчас 94.000 семей оказались бездомными, вообще. Цены на жилища и квартплаты выросли в десятки раз. Целые районы английских городов превратились в трущобы. Контрасты нищеты и богатства необыкновенно выросли.

Экономический упадок увенчался и духовным. Развилась алкоголизм, наркомания, всякие извращения, декадентство распространилось необычайно. Возрос до устрашающих размеров вандализм. Преступность возросла в несколько раз.

Власть трудящихся резко возросла, а с ней возросло безделье, работа кое-как, понизилась квалификация. Началось бегство в другие страны наиболее квалифицированных и знающих людей.

Любопытно, что резко понизилось сотрудничество населения в масштабе государства. Появилась конфронтация: "мы" (трудящиеся) и "они" (правительство, государство).

Стоит отметить и резко возросший налоговый гнет, достигший 62 % всего национального дохода.

В 1976 году по национальному доходу на душу населения Англия спустилась на сорокчетвертое место среди стран мира. *Даже ГДР оказалась на два места впереди. Англия превратилась в третьеразрядную державу. Таков оказался результат перехода на смешанную, полусоциалистическую экономику.* Этот опыт ударил по трудящимся весьма сильно и вынудил многих пересмотреть социалистические идеи. Даже орган компартии Англии, "Марксизм сегодня" заявил, что *великая историческая эра социализма закончилась и нужно искать новые пути и идеи.* Последние годы правительство Татчер предпринимает решительные меры для разбора по частям социализма и смешанной экономики. Она уже продала связь, часть судостроения, продает

Волею Божией 21 ноября с. г. скончался

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ КОМАРОВСКИЙ

3 сороковой день кончины — 30 декабря с. г. в 18 часов
в храме Св. Троицы в Буэнос-Айресе на улице Бразиль 315

Будет отслужена панихида.

О чем сообщают друзья покойного.

